Средство Роже / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Средство Роже / рассказ СРЕДСТВО РОЖЕ

Я прогуливался с Роже по бульвару, как вдруг какой-то продавец возле нас закричал:

– Покупайте средство избавиться от тещи! Покупайте! Я сразу остановился и сказал своему товарищу:

– Этот крик напомнил мне, что я уже давно собирался задать тебе один вопрос. Что за «средство Роже», о котором постоянно толкует твоя жена? Она шутит над этим так забавно, с таким многозначительным видом, что, сдаётся мне, речь идет о какой-то настойке на шпанских мушках, рецепт которой известен одному тебе. Всякий раз, как в ее присутствии говорят о молодом человеке, переутомленном, истощенном, выдохшемся, она смотрит на тебя и со смехом говорит: «Ему следовало бы посоветовать средство Роже». Но всего забавнее то, что ты всегда при этом краснеешь.

– И, право, есть от чего покраснеть, – отвечал Роже. – Могу тебя уверить, что если бы только моя жена подозревала, о чем она говорит, то предпочла бы промолчать. Тебе я могу доверить эту историю. Ты, конечно, знаешь, что я женился на вдове, в которую был сильно влюблен. Жена моя никогда не боялась вольных речей, и, еще до того как она стала моей законной подругой, мы нередко вели с ней несколько пряные разговоры, допустимые, впрочем, со вдовами, еще не забывшими вкус пряностей. Она очень любила веселые рассказы, игривые анекдоты, оставаясь при этом вполне порядочной женщиной. В известных случаях грехи словесные не так уж страшны; она смела, я немного застенчив, и не раз до нашего брака она, забавляясь моим смущением, ставила меня в тупик вопросами или шутками, ответить на которые мне было нелегко. Впрочем, возможно, что из-за этой ее смелости я и влюбился в нее. А что до влюбленности, то влюблен я был по уши, телом и душой, и она, злодейка, это отлично знала.

Было решено, что ни устраивать торжества, ни предпринимать свадебного путешествия мы не будем. По окончании церковного обряда угостим завтраком наших свидетелей, а затем вдвоем поедем кататься в карете и к обеду вернемся ко мне, на улицу Эльдер.

И вот, распрощавшись с нашими свидетелями, мы садимся в экипаж, и я приказываю кучеру везти нас в Булонский лес. Был конец июня, стояла чудесная погода.

Как только мы остались одни, она засмеялась и сказала:

– Ну, мой милый Роже, настало время проявить галантность. Посмотрим, как вы приметесь за это.

После такого вызова я сразу почувствовал себя парализованным. Я поцеловал ей руку и стал повторять: «Я вас люблю. Я вас люблю». Два раза я набрался храбрости и коснулся губами ее шеи, но меня смущали прохожие. Она же все твердила задорно и лукаво: «Ну, а дальше... а дальше...» Это «а дальше» нервировало меня и приводило в отчаяние. Ведь нельзя же было в карете, в Булонском лесу, среди бела дня... ты понимаешь...

Она прекрасно видела мое смущение и потешалась надо мной. Время от времени она повторяла:

– Боюсь, что я сделала неудачный выбор. Вы внушаете мне большие опасения.

Я сам начинал испытывать это, то есть опасения на собственный счет. Когда меня конфузят, я уже ни на что не способен.

За обедом она была очаровательна. И, чтобы придать себе смелости, я отослал слугу, который меня стеснял. О, мы, конечно, оставались в границах, но ты ведь знаешь, как глупы влюбленные: мы пили из одного стакана, ели из одной тарелки, одною вилкой. Нас забавляло грызть вафли с двух концов, чтобы губы встретились на середине.

Она объявила:

– Мне хочется шампанского.

Я совсем позабыл о бутылке, стоявшей на буфете. Я ее взял, сорвал бечевку и нажал пробку, чтобы она выскочила. Пробка не выскакивала. Габриель рассмеялась и пробормотала:

– Плохое предзнаменование.

Я нажимал большим пальцем на толстую головку пробки, отгибал

ее направо, отгибал налево, но все было напрасно, и вдруг пробка сломалась у самого края горлышка.

Габриель вздохнула:

– Мой Роже, бедный!

Тогда я взял штопор и ввинтил его в обломок пробки, застрявший в горлышке. Но вытащить его не мог. Я был вынужден позвать Проспера. И тут уже моя жена стала хохотать от всего сердца, повторяя:

– Да, да... теперь я вижу, как можно на вас рассчитывать.

Она была уже наполовину пьяна.

После кофе она опьянела на три четверти.

Укладывание в постель вдовы не требует тех церемоний и материнских назиданий, какие необходимы для молодой девушки; Габриель спокойно отправилась в спальню, проговорив:

– Даю вам четверть часа, выкурите сигару.

Когда я вновь очутился с нею, у меня, признаюсь, не доставало уверенности в себе. Я нервничал, волновался и чувствовал себя неловко.

Я занял свое супружеское место. Она не произнесла ни слова. Она только поглядывала на меня с улыбкой на губах и явно желала поиздеваться надо мною. Эта ирония в такую минуту меня окончательно смутила и, признаюсь, парализовала.

Когда Габриель заметила мое... затруднительное положение, она ничего не предприняла для того, чтобы меня ободрить, наоборот. Она спросила меня с равнодушной ужимочкой:

– Вы каждый день так остроумны?

Я не мог удержаться и ответил ей:

– Послушайте, вы невыносимы.

Тогда она снова начала смеяться, и притом совершенно неумеренным, неприличным, выводящим из терпения смехом.

Надо сказать правду, я играл довольно жалкую роль и, должно быть, имел очень глупый вид.

Время от времени, между двумя припадками безумного смеха, она, захлебываясь, говорила:

– Ну же... смелее... проявите хоть немного энергии... мой бедный... бедный друг!

И она снова заливалась хохотом, неудержимым хохотом, даже взвизгивала.

Наконец я до того изнервничался и до того разозлился на себя и на нее, что мне стало ясно одно: я ее побью, если не поспешу удалиться.

Я соскочил с постели и яростно, торопливо оделся, не говоря ни слова.

Она вдруг притихла и, поняв, что я рассержен, спросила:

– Что вы делаете? Куда вы?

Я не ответил. И вышел на улицу. Мне хотелось убить кого-нибудь, отомстить, выкинуть какое-нибудь безумство. Я большими шагами пошел прямо вперед, и вдруг меня осенила мысль зайти к проституткам.

Как знать? Может быть, это послужит испытанием, проверкой, а может быть, тренировкой? Во всяком случае, это будет мстью! И если мне суждено когда-нибудь быть обманутым моей женой, то все-таки окажется, что первым обманул ее я.

Я больше не колебался. Я знал один гостеприимный дом любви, неподалеку от моего жилища, и побежал туда, как человек, который бросается в воду, чтобы узнать, не разучился ли он плавать.

Однако я плавал, и даже отлично. И пробыл там долго, смакуя эту мсть, тайную и утонченную мсть. Затем я очутился на улице в прохладный предутренний час. Теперь я чувствовал себя спокойным и уверенным, довольным, умиротворенным и еще способным, как мне казалось, на новые подвиги.

Я неторопливо вернулся домой и тихо отворил дверь спальни.

Габриель читала, облокотившись на подушку. Она подняла голову и робко спросила:

– Это вы? Что с вами случилось?

Я не отвечал. Я разделся с уверенным видом. И снова, но уже в качестве победителя и господина, занял то место, которое перед этим покинул, как жалкий беглец.

Она была поражена и уверена, что я воспользовался каким-то таинственным, секретным средством.

И с тех пор по любому поводу она твердит о средстве Роже, словно о каком-то непогрешимом научном методе.

Но, увы, с тех пор прошло уже десять лет, и сегодня такой опыт не имел бы больших шансов на успех, – для меня по крайней мере.

Однако если кто-нибудь из твоих приятелей страшится волнений брачной ночи, порекомендуй ему мою военную хитрость и заверь его, что между двадцатью и тридцатью пятью годами нет лучшего способа развязать завязки, как выразился бы сир де Брантом.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 3 марта 1885 г. под псевдонимом Мофриньёз.

Брантом (ок. 1540 – 1614) – французский писатель, изобразитель быта и нравов аристократии своего времени.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Г. Рачинского Некаýalar